

Н.К. КАПИТОНОВА

**Дж. МЭЙДЖОР: ПОСЛЕДНИЙ БРИТАНСКИЙ
ПРЕМЬЕР-КОНСЕРВАТОР В XX веке.
ПО СТРАНИЦАМ ЕГО МЕМУАРОВ**

Даже если бы Джон Мэйджор на самом деле был "третьеразрядным политическим деятелем", "клинически не способным принять решение", как охарактеризовали своего бывшего лидера соратники по партии и коллеги по кабинету после сокрушительного провала консерваторов на парламентских выборах 1997 г., то и тогда мемуары последнего в XX в. премьер-министра – консерватора, самого молодого на тот момент британского премьера за более чем 100 лет, заслуживали бы внимания читателя. Тем более что с именем Мэйджора связаны такие важные вехи в политической истории Великобритании, как победа в войне в Персидском заливе 1991 г., подписание Маастрихтского договора, начало многостороннего переговорного процесса в Северной Ирландии, так называемый "коровий кризис" и "политика несотрудничества" с ЕС, а также многое другое. Его мемуары, вышедшие в свет не через четверть века (как у Э. Хита), а уже через два года после отставки, полны ярких подробностей британской политической жизни в последние 20 лет прошлого столетия. Мэйджор интересен также тем, что не является типичным британским премьер-министром, ибо выбился из самых низов (его родители были когда-то цирковыми артистами). Он также не получил не только итонско-оксбриджского, но и вообще никакого высшего образования, поэтому порою чувствовал себя весьма неуютно, ибо хорошо понимал, какое значение в консервативной партии придавалось происхождению и полученному образованию. Мэйджор известен своей скромностью и рачительным отношением к государственным средствам. Достаточно сказать, что все торжественные мероприятия (включая приемы), проведенные в резиденции премьер-министра на Даунинг-стрит, 10 в 1995 г., обошлись казне всего в 33 тысячи ф.ст. – в пять (!) раз дешевле полуторадневногo визита в Лондон Председателя Совета министров РФ В.С. Черномырдина в том же году¹.

Мэйджор возглавил тори после такой неординарной личности, как Маргарет Тэтчер, которая связывала с ним надежду на продолжение проводившегося ею курса, но в итоге жестоко разочаровалась. В какой мере были оправданы расчеты баронессы, и не чувствует ли "сын Тэтчер" угрызений совести за то, что на нем закончилось рекордное по продолжительности 18-летнее правление консерваторов и началось не менее рекордное – более чем десятилетнее – правление лейбористов? Ответы на эти и еще многие другие вопросы дают 800-страничные мемуары бывшего британского премьера, опубликованные издательством "Nagreg Collins" в 1999 г.²

Изучение биографий 16 британских премьер-министров, проведенное одним из исследователей, дало следующий не лишенный юмора обобщенный портрет претендента на этот высокий пост: он не должен поражать окружающих своим умом и красноречием, а также заниматься спортом; у него с детства должно быть плохое здоровье;

Капитонова Наталия Кирилловна – доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (университета).

¹ Известия, 4.IV.1995.

² *Major J. The Autobiography.* London, 1999.

обязательно периодически переживать приступы депрессии, испытывать материальные трудности, подвергаться издевательствам в школе и не иметь друзей, соперничать с более удачливым братом. Желательно также испытать безответную любовь, потерять в молодости одного из родителей, любить таких писателей, как В. Скотт или А. Троллоп³. Если подходить к Мэйджору с этих позиций, то задатки того, чтобы в будущем стать главой правительства, у него, безусловно, имелись.

Отец Джона в пятилетнем возрасте был увезен родителями в США, в город Питтсбург, где он стал цирковым артистом, а затем вместе с первой женой организовал свое шоу, с которым после возвращения в 1904 г. на родину исколесил всю страну. В годы Первой мировой войны он овдовел и разорился. Его вторая жена – мать Джона – была младше мужа на 26 лет. Изучение ее родословной позволило Мэйджору утверждать, что по линии матери он может быть связан родственными узами с Тэтчер. Джон был младшим из троих детей Мэйджоров. При рождении в марте 1943 г. он подхватил инфекцию и чудом выжил. Отцу в это время было почти 64 года, поэтому Джон запомнил его стариком и потерявшим зрение инвалидом. Он часами просиживал у постели отца, слушая его увлекательные, во многом, как он сейчас понимает, придуманные рассказы о жизни в Америке, работе в цирке, встречах со знаменитым в те годы иллюзионистом Гарри Гудини. Отец научил его "не пасовать перед препятствиями, не поддаваться судьбе". "Для него, – пишет Мэйджор, – триумф и несчастье были моментами преходящими... Когда они заканчивались, он без сожаления двигался дальше. Всему этому он научил меня". Когда отец умер, Джону было 18 лет.

В детстве он полюбил чтение, особенно А. Троллопа, А. Кристи, Дж. Остин и Диккенса, в юношеские годы – Кафку, Вольтера "и даже Ницше", а позже – книги по истории (особенно Черчилля) и спорту. Родители были верующими, но церковь никогда не посещали. Последнее, чем занимался отец, – это производство садовых украшений, в чем участвовали и дети. Впоследствии брат Джона, Терри, подробно описал это в своей книге, что изрядно позабавило представителей британского истэблшмента: подумать только, премьер-министр своими руками делал садовых гномов! В 1955 г. разорившаяся, еле сводившая концы с концами семья переехала в Брикстон – один из самых неблагополучных в то время районов Лондона, населенный в основном выходцами из стран Карибского бассейна. Семья Мэйджоров оказалась в двухкомнатной квартире с общей для нескольких семей кухней, с удобствами – двумя этажами ниже. Путь до школы занимал полтора часа в электричке – время, достаточное чтобы сделать домашнее задание. Уже в детстве Джон полюбил регби и крикет, с которым у него "связаны самые счастливые моменты в жизни". В 16 лет он без сожаления расстался со школой и устроился клерком в страховую компанию, безнадежно, как ему тогда казалось, мечтая когда-нибудь стать членом парламента.

В 1959 г. Мэйджор примкнул к молодым консерваторам. Путь из Брикстона в Вестминстер занял у него 20 лет. Перепробовав себя на разных поприщах, не избежав довольно длительного периода безработицы, он устроился, наконец, в банк, где и проработал до 1979 г. Банк направил его на работу в Нигерию, где он вскоре попал в автомобильную катастрофу и чудом остался жив. Возвратившись в Лондон, учился по утрам, до работы, для чего приходилось подниматься уже в пять часов. Утром – учеба (через шесть лет он получил диплом финансиста), днем – работа в банке, а вечерами – политика.

Необходимым качеством британского политика (хотя бывают и исключения) является владение ораторским искусством, которое помогает ему делать карьеру. Согласно автору, молодые консерваторы приобретали необходимые навыки следующим образом: они регулярно готовили короткие речи по темам, выбранным наугад. Для этого приходилось пользоваться библиотекой, где Мэйджор стал частым гостем. Впоследствии, уже будучи премьером, он приводил в отчаяние свой штат помощни-

³ Paxman J. The Political Animal. London, 2002, p. 38–39.

ков, ибо не мог зачитывать подготовленные для него речи, так как они были написаны чужими словами. Приходилось перекомпоновывать все по-своему.

Способного молодого сотрудника взял под свое крыло президент банка Э. Барбер (бывший канцлер казначейства в правительстве Э. Хита). Партийная карьера требовала от Мэйджора полной самоотдачи: он был рядовым членом, казначеем, а затем и лидером одной из ассоциаций консерваторов, членом, а позже – заместителем главы районного муниципалитета. Приближались выборы, и Мэйджор решил попытаться стать кандидатом-тори в парламент от округа Хантингдон. Конкурс был огромным – 300 человек на место, но он победил. Вслед за тем одержанная консерваторами победа на парламентских выборах 1979 г. приводит его в парламент.

Автор хорошо передает атмосферу эйфории, в которую окунулись парламентарии-новички. Они объединялись в клубы по интересам. Жизнь кипела. "Мы спрашивали друг друга, чего хотим достичь в парламенте. Без колебаний я ответил: стать канцлером" казначейства. Это был предел мечтаний молодого Мэйджора, сожалевшего о том, что родители не дожили до его триумфа. Уже через два года он становится парламентским секретарем двух министров в министерстве внутренних дел (должность, являющаяся первой ступенькой на пути в правительство). В этом качестве он пережил крупнейший международный кризис, с которым столкнулся кабинет Тэтчер – фолклендский. Автору не откажешь в живости описания той "наэлектризованной" атмосферы, которая сложилась в парламенте в связи с захватом Аргентиной 2 апреля 1982 г. Фолклендских островов. "Правительство попало в беду, и я полагал, что, сомкнув ряды, консерваторы должны поддержать премьер-министра, относительно недавно занявшего свой пост. Я был удивлен тем, что произошло прямо противоположное. Превалировала ярость в связи с захватом Фолклендов и неспособностью правительства его предотвратить. У заднескамеечников имелся собственный взгляд на события. Это была яркая иллюстрация того, как коллективная воля парламента может формировать политику. Никто из наблюдавших эти настроения вблизи не сомневался, что для того, чтобы сохраниться, правительство должно было действовать быстро и внушительно". "Если бы кабинет не отправил эскадру (в Южную Атлантику. – Н.К.), Маргарет Тэтчер не смогла бы остаться на посту премьер-министра. Она пошла на большой риск, что требовало огромной силы воли, но альтернативой была катастрофа" (с. 77).

Вскоре активность и коммуникабельность, а также организаторские способности Мэйджора заметило руководство, и он на два года стал помощником партийного кнута (партийного организатора в парламенте, обеспечивающего правильное голосование членов фракции), а в октябре 1984 г. – главным кнудом казначейства. Знакомство с парламентской партийной кухней вблизи позволило ему утверждать, что "министры или даже премьер-министры были бы шокированы, услышав те крепкие выражения, которые высказывались в частном порядке кнудами по поводу проводимой политики и отдельных персонажей".

В качестве главного кнута Мэйджор получает право присутствовать на заседаниях кабинета и возможность поближе познакомиться с Тэтчер. Надо сказать, что тема отношений с Тэтчер, отношений, которые можно назвать хорошими лишь до того момента, когда он стал ее преемником на посту премьер-министра, красной нитью проходит через мемуары Мэйджора. Тэтчер стала активно продвигать его после серьезного спора между ними, случившегося за обедом в июне 1985 г. Его сообщение о настроениях заднескамеечников в парламенте не понравилось премьер-министру, и она стала с негодованием возражать. Не спасовавший перед ее отповедью, Мэйджор настаивал на своем. Тогда он еще не знал, что Тэтчер нравилось, когда с ней спорили – при условии, что делали это аргументированно. Она выделяла людей решительных, знающих и помогала их карьерному продвижению. Поэтому вопреки ожиданиям расстроенного Мэйджора, готовившегося к отставке из-за того, что так неосмотрительно посмел возражать премьер-министру, он не только не был изгнан, но уже на следующий день получил свой первый пост в правительстве, став одним из министров по вопросам социального обеспечения. Когда Мэйджор описывает, как на выходные ему

приходилось брать домой по шесть-семь красных коробок с документами, невольно вспоминается великолепный остросатирический английский телесериал "Да, господин министр", содержащий убийственную характеристику работы британской бюрократической системы: аппарат министерств специально заваливал министров работой сверх всякой меры, чтобы сделать их менее строптивыми и более управляемыми и зависимыми от кадровых чиновников.

После победы консерваторов на парламентских выборах 1987 г. Тэтчер назначает своего протеже главным секретарем казначейства (решающий голос в распределении финансовых потоков), а летом 1989 г. 46-летний Мэйджор совершает совершенно неожиданный, шокировавший не только коллег, но и его самого, скачок на один из главных в правительстве и весьма престижных постов – главы Форин офис. "Джон, пристегните ремни! Я хочу, чтобы Вы стали министром иностранных дел", – заявила Тэтчер. Даже ближайшие соратники премьера пришли к выводу, что на этот раз "Маргарет перестаралась". Совершенно некомпетентный в международных вопросах, да к тому же попавший в еще более привилегированную, чем в казначействе, аристократическую среду, неуверенный в себе Мэйджор не чувствовал себя на месте. Он так и не смог полюбить рутинные встречи с послами и нескончаемые банкеты, хуже которых, по его мнению, были только встречи Большой семерки. Но для Тэтчер отсутствием у нового министра опыта было фактором положительным: ей нужен был свой человек в министерстве, послушно выполняющий ее указания. Тем не менее, Мэйджор вызвал гнев премьер-министра в ходе конференции глав Содружества, когда уже после подписания коммюнике (!) она выразила недовольство некоторыми формулировками – случай беспрецедентный в дипломатической практике, – дезавуировав тем самым своего министра. Говоря о работе в Форин офис, автор вспоминает забавные истории, связанные с оплошностями чиновников, когда вместо послов одних стран на встречу с министром приглашали других представителей и как приходилось выходить из этих ситуаций. Он также наблюдал вблизи отношения Тэтчер с другими главами государств, например с президентом Франции Миттераном. "Каждый из них представлял свою нацию: Франсуа Миттеран мог быть только французом, а Маргарет Тэтчер – англичанкой. Это был пленительный контраст. Каждый из них с восхищением наблюдал за другим, ожидая своей очереди ступить в центр сцены. Это была не просто встреча, а скорее флирт, от которого оба они получали откровенное удовольствие" (с. 122).

Пробыв в должности министра иностранных дел всего три месяца (своеобразный рекорд), Мэйджор получил пост, который был мечтой его жизни, став канцлером казначейства. Он сожалеет об обстоятельствах своего назначения: пост достался ему в связи с демонстративным уходом в отставку Н. Лоусона, которому он симпатизировал. Благодаря протекции Мэйджора его преемником на посту главы Форин офис стал карьерный дипломат Даглас Хэрд, как нельзя лучше подходящий к этой должности. Главной проблемой для нового канцлера стало присоединение Великобритании к Европейскому механизму обменных курсов, на чем настаивали европейские партнеры Великобритании и чему упорно противилась Тэтчер, не желавшая участвовать в валютной интеграции. Ни Лоусон, ни Дж. Хау (предыдущий глава Форин офис) так и не смогли сломать сопротивление премьера и вынуждены были уйти в отставку. Автор недоумевает, почему при подписании Единого Европейского Акта сочетавшая в себе "тонкие политические расчеты и эмоциональные реакции" баронесса не оговорила возможность неучастия страны в будущей валютной интеграции. Она вновь дезавуировала действия Мэйджора, на этот раз предварительно согласованное с ней заявление о том, что "в далеком будущем, если того пожелают народы и правительства, твердое экю (предложенная министром финансов общая валюта для расчетов в ЕС. – *Н.К.*) может превратиться в единую валюту". Выступая на следующий день в палате общин Тэтчер уточнила, что об одобрении планов перехода на единую валюту не может быть и речи. Впоследствии эти ее демарши были использованы Дж. Хау в качестве примера своеобразного, невыносимого для него стиля руководства со стороны

Тэтчер в его знаменитой речи в палате общин с мотивировкой отставки с поста заместителя премьер-министра, что, в свою очередь, запустило механизм ее отстранения от власти. (Он сравнил министров кабинета с игроками в крикет, обнаруживающими в ходе матча, что их биты были предварительно поломаны собственным капитаном.) В этой связи Мэйджор вспоминает последнее заседание кабинета с участием Хау: отношения заместителя премьера с Тэтчер были накалены до такой степени, что сидя за столом заседаний бок о бок они не разговаривали и не смотрели друг на друга. "Рядом с этой леди с плохими манерами он был слишком джентльменом", – подчеркивает автор.

И все же Мэйджору, поддержанному главой Форин офис, удалось переубедить Тэтчер, и Великобритания вступила в Европейский механизм 5 октября 1990 г., незадолго до ее ухода в отставку. Он считал это своим главным успехом на посту канцлера казначейства. Впоследствии баронесса обвинила его в "чрезмерной податливости к призывам Европейского лобби" и в интеллектуальной беспомощности. Как известно, интуиция не подвела Тэтчер – она как будто чувствовала, что из этой затеи не выйдет ничего хорошего. Так и случилось: в сентябре 1992 г., названном "черным сентябрем", Мэйджору пришлось в спешном порядке выводить Великобританию из этой европейской структуры, чтобы спасти фунт стерлингов от неминуемой девальвации. Впоследствии это событие охарактеризовали как самый крупный кризис его премьерства, вполне сопоставимый с Суэцким кризисом 1956 г. и кризисом правительства Э. Хита в связи с забастовкой шахтеров 1973–1974 гг. Мэйджор признает, что "черный сентябрь" серьезнейшим образом сказался на репутации правительства, сыграв роковую роль в поражении консерваторов на выборах 1997 г. Мэйджор возлагает вину на канцлера Германии Г. Коля, которого трижды безуспешно пытался уговорить повлиять на Бундесбанк в целях изменения его политики, подрывавшей позиции фунта стерлингов. Однако Германия "решительно отказала в помощи". Тяжело переживая обвинения в готовности сохранить членство в этой европейской структуре даже ценой банкротства страны, автор признает, что размышлял об отставке и даже набросал речь для соответствующего выступления в палате общин, однако окружение убедило его отказаться от этой мысли. Ему приходится оправдывать оказавшееся ошибочным решение о вступлении в европейский механизм тем, что поначалу оно помогло обуздать инфляцию. Кроме того, в 1990 г. за это ратовали и профсоюзы, и Конфедерация британской промышленности, и Сити, и партия тори и кабинет, а также пресса. Лидер оппозиции Дж. Смит с блеском использовал этот провал Мэйджора, назвав его "девальвированным премьером девальвированного правительства"⁴. "Это был тот самый Джон Смит, – с горечью отмечает автор, – который многократно нападал на нас за то, что мы не вступали в Европейский механизм". К удивлению многих, никто не понес наказания за "черный сентябрь", и только по прошествии семи месяцев министр финансов Н. Лэмонт был отправлен в отставку. Эта неоправданная задержка была впоследствии использована противниками Мэйджора как еще одно свидетельство его нерешительности.

Говоря об отставке Тэтчер в ноябре 1990 г. (глава с выразительным названием "Падение императрицы"), Мэйджор пытается опровергнуть родившийся "в недрах консервативной партии миф", объяснить который, по его мнению, должны "психиатры, а не историки... – о том, что в партии был заговор против собственного лидера, бывшего на вершине могущества и возглавлявшего здоровую партию и страну". Он отрицает наличие заговора, подчеркивая, что именно "недовольство подушным налогом и растущие разногласия внутри кабинета по поводу европейской политики привели к взрыву, который вынес Маргарет Тэтчер с Даунинг-стрит" (с. 166). Мэйджор подробно останавливается на деталях этой драмы, развернувшейся в ноябре 1990 г., признавая, что Тэтчер была покинута ближайшими соратниками как "старый зонт, оставленный

⁴ Seldon A. Major. A Political Life. London, 1997, p. 321.

в такси". Сам он не принимал участия во встречах членов кабинета, в ходе которых решалась судьба Тэтчер, так как отлеживался дома после серьезной стоматологической операции. Впоследствии был пущен слух, что этот уход в тень в самый разгар кризиса был подстроен им специально. Поэтому автору приходится оправдываться, заверяя баронессу в своей лояльности и намерении голосовать за нее в ходе первого тура выборов лидера партии, хотя уже тогда многие обращались к Мэйджору с предложением выставить свою кандидатуру.

Его звездный час настал после того, как Тэтчер вынуждена была принять трудное для нее решение не участвовать во втором туре выборов. Выдвижение кандидатуры Мэйджора поддержали не только многие соратники, но и семья, понявшая, что "другого такого шанса не будет". Сам он был удивлен той внушительной поддержкой, которую оказали ему и его программе (левоцентристскому манифесту с акцентом на социальных вопросах и устранении классового неравенства в стране к 2000 г.) парламентская фракция тори и члены кабинета. По словам Мэйджора, он не мог не оправдать доверия своих сторонников (в противном случае они посчитали бы, что у него, как говорится, "кишка тонка"), хотя не стремился занять пост лидера партии и премьер-министра и предпочел бы провести больше времени на посту министра финансов. Признавая, что своей победой во втором туре он в значительной мере обязан Тэтчер и ее сторонникам, оказавшими ему существенную поддержку, автор считает бесознательными расчеты баронессы на то, что она останется при новом премьер-министре "на скамье запасных". Автор не желал, чтобы его воспринимали, как "сына Тэтчер", но также не хотел обвинений в "разрушении ее наследия".

Европейская проблематика занимает в мемуарах центральное место. Среди наиболее ярких достижений на посту премьер-министра сам Мэйджор считал переговоры вокруг подписания Маастрихтского договора в декабре 1991 г., в ходе которых ему удалось сломить сопротивление партнеров по Евросоюзу и заключить договор, отвечавший британским интересам. Но основная борьба в партии развернулась уже после Маастрихта – в процессе его ратификации. Полемизируя с "евроскептиками", Мэйджор подробнейшим образом излагает ход переговоров в Брюсселе. Будучи прагматиком ("дружелюбным агностиком"), он полагал, что как члену ЕС Великобритании "приходилось играть по правилам клуба", "мирясь с консенсусом, который нас не совсем устраивал". Это было необходимо для того, чтобы Лондон не исключили из процесса принятия решений в Европе. Вместе с тем он разделял многие опасения Тэтчер, выступая против федеративной Европы и подозрительно относясь к политическому союзу и единой валюте. Большинство членов кабинета, как подчеркивает автор, поддерживали позицию премьера по этому вопросу: "Нам она (единая валюта. – *Н.К.*) не нравилась, но мы знали, что когда-нибудь присоединимся". В процессе подготовки договора британский премьер неоднократно предупреждал своих европейских коллег, что "Великобританию могут вынудить отвергнуть весь договор или же какую-либо его часть". "В то же время не было никаких оснований полагать, что блокирование остановит наших партнеров: они стали бы действовать за рамками договора двенадцати, а Великобритания не имела бы никакой возможности повлиять на их планы" (с. 272).

Позиция Лондона в Маастрихте заключалась в следующем: "Никакого федерализма. Никакого обязательства перейти на единую валюту. Никакой Социальной Хартии. Никакого верховенства Сообщества в вопросах внешней и внутренней политики, а также обороны". Главным в ходе переговоров было добиться взаимопонимания с Германией и председательствовавшей в ЕС Данией. Что касается Франции, то в ряде вопросов Миттеран солидаризировался с Мэйджором: так, в частности, он также был против наделения Европарламента правом отменять законы, принятые национальными парламентами. Автор приводит любопытное высказывание президента Франции, сделанное в частной беседе, о том, что он "считает Европарламент нелегитимным, и такое положение сохранится по крайней мере еще сто лет". В вопросе перехода на единую валюту, как подчеркивает мемуарист, это "был диалог глухих". И Франция, и Германия были намерены воплотить эту идею в жизнь во что бы то ни стало.

Мэйджор горд тем, что ему удалось отстоять интересы Великобритании в Маастрихте, добившись для нее особого статуса в ЕС. В ходе переговоров в полной мере проявилось качество, продемонстрированное им ранее на посту партийного кнута – умение находить компромисс между противоположными позициями. В результате слово "федеративный" было убрано из текста договора, Великобритания не подписала Социальную Хартию, которая по ее настоянию была вынесена в приложение, а также зарезервировала за собой право не участвовать в создании валютно-финансового союза. Это, как он полагал, должно было устроить "евроскептиков" в партии. И действительно – "британская пресса и консервативная партия встретили результаты Маастрихта восторженно. Но очень скоро все переменялось".

Мэйджор отрешивается от приписанных ему слов о том, что в Маастрихте он якобы "выиграл для Великобритании гейм, сет и матч", что оскорбило Коля и Миттерана: эта фраза принадлежала кому-то из членов британской делегации, а сам премьер не имел к ней никакого отношения. Он также отмахивается от подозрений в намерении согласиться с принципом федерализма – а именно так были интерпретированы "евроскептиками", а также европейскими партнерами его слова о желании Великобритании "быть в сердце Европы". На самом деле имелось в виду следующее: "Быть в сердце Европы, чтобы защищать интересы Великобритании". Противники премьера также извратили и высмеяли его слова, в которых выражалась уверенность в сохранении и в будущем (несмотря на тесное сотрудничество с Европой) британской идентичности: "И через пятьдесят лет Великобритания будет страной удлинненных теней на полях графств, теплого пива, непобедимых зеленых пригородов, любителей собак и бассейнов в саду и, как выразился Джордж Оруэлл, пожилых дам, прорывающихся на велосипедах сквозь утренний туман на церковную службу" (с. 376).

Стиль правления нового главы правительства был расценен коллегами как "глоток свежего воздуха": будучи человеком компромисса, он позволял членам кабинета свободно высказываться, "предпочитал видеться с потенциальными оппонентами до заседаний, способствовать дискуссии, а потом суммировать ее итог". Он никогда не делил людей на "своих" и "чужих", да и вообще трудно расставался с министрами, даже замешанными в скандалах и уличенными в нечистоплотности. Кроме того, ему хотелось продемонстрировать, что он ничем не отличается от других британцев, что кроме работы в жизни есть и другие радости, например, спорт, каникулы. Это настолько отличалось от авторитарного стиля правления Тэтчер, что дало одному из его коллег повод усомниться в том, что ему нравится его работа. "Возможно, он был прав..., – замечает Мэйджор. – Мое отношение к власти отличало меня от всех других премьер-министров столетия".

Что касается отношений с Тэтчер, чувствовавшей себя "лишенной власти, обманутой и преданной" соратниками, то они не сложились. Возвращение в правительство ее врага М. Хезлтайна, корректировку подушного налога она рассматривала как "подрыв" ее наследия. Оставить баронессу в правительстве, равно как и отправить куда-либо послом, было невозможно. Первое время ее держали в курсе военных приготовлений в Персидском заливе, а затем и начавшейся против Ирака операции "Буря в пустыне". Но после ее выпадов в адрес преемника в связи с Маастрихтом, их отношения прервались. Осенью 1993 г. она сообщила своим друзьям, что надеется на скорые выборы лидера тори, сделав ставку на Майкла Портилло, позже – на Джона Редвуда, бросившего вызов Мэйджору в 1995 г. Она объединила вокруг себя "евроскептиков", возглавив ожесточенную борьбу в партии против ратификации Маастрихтского договора и за проведение референдума в стране по этому вопросу. Это усугубило внутрипартийный раскол. Осознавая пагубность внутрипартийных раздоров, баронесса тем не менее не щадила премьер-министра в своих многочисленных интервью. Она, а также ее сторонники, рассылали записки консерваторам-заднескамеечникам с призывами не поддерживать правительство в этом вопросе. Признавая право Тэтчер на собственную точку зрения относительно европейской интеграции, не готовый к открытой полемике с баронессой в СМИ Мэйджор с горечью отмечает, что в партии тори

наблюдалась уникальная ситуация: "Бывший премьер-министр открыто подстрекала почитавших ее заднескамеечников ниспровергнуть политику своего преемника, подвергнув ее менее шести месяцев назад".

Мэйджор подробно излагает нелегкие для правительства обстоятельства ратификации Маастрихтского соглашения в парламенте, не обойдя вниманием знаменитое голосование 23 июля 1993 г., когда голоса в палате – что бывает крайне редко – разделились поровну и положение правительства спас лишь голос Спикера. Как оказалось впоследствии, в подсчетах была допущена ошибка – правительство победило большинством в один голос, так что в голосовании Спикера не было необходимости. Словно отвечая критикам, обвинявшим его в нерешительности и мягкотелости, Мэйджор продемонстрировал свои бойцовские качества, приняв смелое и точно рассчитанное решение на следующий же день голосовать вотум доверия правительству. Это заставило многих "евроскептиков", не готовых к тому, чтобы свалить собственное правительство, поддержать его (полученное премьером большинство составило 40 голосов). Сам он не смог удержаться, чтобы не применить в отношении своих противников в партии ненормативную лексику, что сразу же стало достоянием гласности. Автору приходится оправдываться в том, что он не имел в виду своих коллег по кабинету (Портилло, Редвуда и Лилли).

Мэйджор вновь проявил решительность летом 1995 г., когда, устав от постоянных нападков тэтчеристов инициировал выборы лидера партии, выставил свою кандидатуру и одержал победу уже в первом туре над бросившим ему вызов членом кабинета Редвудом. Безусловно, Редвуд не был серьезным соперником, но если бы Мэйджор не набрал необходимых голосов, в борьбу во втором туре вступили бы "тяжеловесы", самого серьезного из которых – М. Хезлтайна – удалось нейтрализовать сделанным ему предложением, от которого тот не смог отказаться: стать заместителем премьер-министра с реальными полномочиями.

Воспоминания Мэйджора полны любопытных подробностей британской политической жизни, функционирования государственных учреждений, партийной машины тори, парламента, которые интересны не только специалистам, но и широкому кругу читателей. Автор сообщает, каково это – работать премьер-министром. Сотрудники аппарата Клинтона как-то признались, что стремились ограничить рабочее время президента 60 часами в неделю. Британские же премьер-министры, как подчеркивает Мэйджор, отдают работе гораздо больше времени: "Работники моего аппарата были бы счастливы, если бы мое рабочее время сократилось хотя бы до ста часов". А ведь всего полувеком ранее Стэнли Болдуин, например, мог позволить себе отдыхать на курорте, лишь дважды в неделю звоня на Даунинг-стрит, чтобы узнать новости. Макмиллан также исчезал на несколько недель, в ходе которых совершал неспешное турне по Африке.

Много времени отнимали различные встречи в верхах – ЕС, Большой семерки, Содружества. Будучи человеком скромным, Мэйджор не любил помпезности, с которой проходили встречи "семерки". Он сообщает, что в Токио, например, для охраны мировых лидеров было привлечено 20 тыс. солдат и полицейских, а стол переговоров был "размером с площадку для бадминтона". При поддержке Клинтона он выступил за большую скромность этих мероприятий, и уже на встрече в Неаполе в 1994 г. впервые участники сидели за "круглым столом разумных размеров", благодаря чему атмосфера встречи заметно улучшилась. Особенно ему понравилось в 1995 г. в Галифаксе: участники встречи обедали в яхт-клубе, а в качестве развлечения вместо оперы (которой там, по счастью, не было) посетили цирк.

Говоря о первом крупном международном кризисе, с которым ему пришлось столкнуться на посту премьер-министра, – кризисе в Персидском заливе – Мэйджор сообщает, что степень секретности разработки операции против Ирака была настолько высокой, что о времени ее начала даже членам военного кабинета сообщили лишь за несколько часов. В этой связи он приводит следующий забавный эпизод: ноутбук, содержащий план предстоящей операции, был похищен у перевозивших его офицеров

Генштаба. Это произошло незадолго до начала "Бури в пустыне", поэтому от американских коллег этот случай решили держать в тайне. Но вскоре об этом узнали в газете "Мэйл он Сандэй". Напечатанная ею статья попала на глаза вору, который, к счастью, оказался патриотом: выйдя на связь с полицией, он указал место, где находился ноутбук.

Говоря о парламентских выборах 1992 г., на которых, согласно опросам общественного мнения должны были победить лейбористы (а победили тори с отрывом в 7%), Мэйджор приводит следующие любопытные детали: поражение консерваторов казалось настолько неминуемым, что из недр аппарата ему была прислана инструкция о порядке отъезда с Даунинг-стрит, 10. Более того, к нему по ошибке попала официальная бумага, в которой жене лидера оппозиции Н. Киннока предлагалась некая сумма денег на ремонт резиденции после того, как оттуда съедет Мэйджор. Это возмутило последнего, ибо ему в свое время ничего подобного не предлагали.

Автор пытается представить себе, что было бы, если бы в 1992 г. консерваторы проиграли. Тогда не им, а лейбористам пришлось бы столкнуться с "черным сентябрем", эпидемией коровьего бешенства, "евроскептицизмом" в своих рядах, и тогда на следующих выборах – в 1997 г. – к власти вернулись бы тори. Однако история, как известно, не знает сослагательного наклонения. Отчасти разделяя мнение многих, что в 1992 г. консерваторы нуждались в поражении, а не победе, Мэйджор тем не менее считает, что одержанная ими победа имела свои плюсы, сделав необратимыми реформы предыдущих 13 лет. Она "убила социализм в Британии", заставив лейбористскую партию измениться. "Британия не находится больше в ловушке двух танцующих танго партнеров, когда одно правительство перечеркивает все сделанное его предшественником. Безусловно, это хорошо для страны". Любопытно следующее признание автора: "Мы победили в 1979 г. не только из-за нашей силы, но потому что лейбористская партия была истощена и дискредитирована; мы вновь победили в 1983 и 1987 гг. не только потому, что руководителем была Маргарет Тэтчер, но также потому, что лейбористская партия была неизбираемой. Мы смогли сдвинуться вправо и выиграть выборы потому, что лейбористы слишком далеко ушли влево" (с. 732).

Мэйджор демонстрирует читателю хорошее, чисто английское чувство юмора, что является приятным контрастом по сравнению с его предшественницей на посту премьер-министра. Так, в частности, он припоминает, как на одном из европейских саммитов неожиданно для него все партнеры выразили свое согласие с точкой зрения британской стороны по одному из экономических вопросов. "В этот момент, – замечает Мэйджор, – я почувствовал, каково это – быть Гельмутом Колем!" Говоря о принятой в политике риторике, он дает следующие пояснения: за словами "позиция правительства ясна" следует читать прямо противоположное, равно как вместо утверждения "у нас волнующие новые планы" следует понимать, что таких планов нет вовсе.

Любовь премьера к крикету была настолько сильной, что он требовал, чтобы ему сообщали о ходе матчей даже во время заседаний кабинета. Его заместитель М. Хезлтайн не был страстным любителем крикета и терялся в догадках, наблюдая, как в ходе заседания появлялся один из сотрудников аппарата, передавал Мэйджору какую-то бумагу, которую тот по прочтении передавал сначала секретарю кабинета Р. Батлеру, а затем – канцлеру казначейства К. Кларку, разделявшим с премьером страсть к крикету. Впоследствии над Хезлтайном сжалились, объяснив, что это были результаты крикетных матчей, но он не поверил. Мэйджор вспоминает, как не любившая спорт, но изредка появлявшаяся по советам супруга на спортивных состязаниях Тэтчер после одного из матчей стала хвалить игру члена команды, который был заявлен в программе, но в игре не участвовал. В этой неловкой ситуации сопровождавшие лица не решились поправить премьер-министра. Сам Мэйджор в день своей отставки 2 мая 1997 г. отправился с семьей на крикетный матч. Позже он возглавил клуб по крикету графства Саррей, а затем стал членом комитета еще одного крикетного клуба.

В премьерство Мэйджора впервые с 1836 г. была возрождена национальная лотерея, ставшая впоследствии необыкновенно популярной. Доходы от нее –

3.5 млрд ф.ст. – пошли на благотворительные, спортивные и культурные проекты. Устроители лотереи настояли, чтобы премьер-министр тоже купил билет, и он с ужасом ожидал итогов розыгрыша: ведь если бы билет оказался выигрышным, ему пришлось бы вернуть разыгрывавшиеся 8 млн. ф. ст., но что в таком случае сказала бы семья?! Мемуарист не может удержаться, чтобы не бросить камень в огород правительства Блэра, которое позарилось на доходы от лотереи, использовав эти (а не бюджетные) средства на проекты в области образования, здравоохранения и окружающей среды, хотя, будучи в оппозиции, неоднократно подозревало в этом тори.

О своей семье Мэйджор сообщает не так уж много. Со своей будущей женой, Нормой, он познакомился в ходе выборов зимой 1970 г., и оказалось, что она сторонница консервативной партии и "без ума от оперы". Он сделал ей предложение уже через десять дней после первой встречи. А еще – что у них двое детей: сын и дочь.

Говоря о проблеме урегулирования положения в Северной Ирландии – "самой трудной и разочаровывающей" проблеме его правительства – Мэйджор с гордостью напоминает, что именно при нем начался многосторонний переговорный процесс, который впоследствии – в 1998 г. – привел к Соглашению Страстной пятницы. На удивление сдержан экс-премьер в вопросе о влиянии североирландского фактора на англо-американские отношения, не позволяя себе прямых выпадов против Клинтона, хотя хорошо известно, насколько непоследовательность американского президента и его бесцеремонное вмешательство в урегулирование раздражали официальный Лондон. Не говорится об известном телефонном инциденте марта 1995 г., когда взбешенный приглашением лидера партии Шинн феин Дж. Адамса на празднование дня Св. Патрика в Белый Дом Мэйджор в течение нескольких дней (!) отказывался отвечать на звонки президента США. Он даже пытается оправдать Клинтона, указывая на его неосведомленность относительно продолжавшейся тогда террористической деятельности североирландских католиков. В связи с боснийским вопросом мемуарист опровергает утверждение о том, что признание Великобританией независимости Хорватии являлось своеобразной платой Германии за ее поддержку британской позиции в Маастрихте. «Да, действительно, Геншер⁵ заявил: "Мы помогли вам в Маастрихте, теперь прислушайтесь к нам по этому вопросу", но никакой сделки не было». Мэйджор высказывает – очевидно, лицемерные – сожаления, что, пойдя на поводу у Германии, ЕС не добился от бывших югославских республик гарантий уважения прав национальных меньшинств в обмен на обещание признать их независимость.

Он также признает, что серьезными ударами по престижу кабинета и правительства явились многочисленные факты нечистоплотного и "нестандартного" поведения министров, их причастности к коррупции. Особенно горьким было для него то, что один из самых громких скандалов разразился чуть ли не на другой день после провозглашенной премьером на партийной конференции 1993 г. и широко разрекламированной программы "Возврат к основополагающим ценностям", которая, по замыслу была нацелена на непримиримую борьбу с безнравственностью. Любопытна реакция французского коллеги на сообщении об интрижке британского министра национального наследия (министра культуры) с актрисой: "А разве не для этого становятся министрами культуры?" Очень скоро стало обычным делом, когда в субботу на квартире премьера раздавался звонок, и кто-нибудь из сотрудников аппарата сообщал о появлении в завтрашней прессе очередной "неприятной истории". Безусловно, это сказалось на итогах памятных для консерваторов парламентских выборов 1997 г., когда партия тори потерпела свое третье сокрушительное поражение в XX столетии, самое катастрофическое поражение в британской политике с 1832 г., получив лишь 165 мест в палате общин по сравнению с 419 у лейбористов. Мэйджор считает, что консерваторы не смогли бы победить, "даже если бы партию возглавлял сам архангел Гавриил". По всей видимости, страна не просто устала от тори – она была сыта ими по горло. Что касается

⁵ Министр иностранных дел ФРГ.

самого автора, то он победил в своем округе Хантингдон, получив большинство в 18,1 тысяч голосов. В 2002 г. стало известно о многолетнем романе Мэйджора с членом парламента от консервативной партии Эдвиной Карри. В этой связи негодование автора по поводу запущенных кем-то в СМИ слухов о его интрижке с руководительницей фирмы по поставке продовольствия на Даунинг-стрит выглядит особенно забавным.

Большой интерес представляют впечатления Мэйджора от встреч с главами государств и другими иностранными и британскими деятелями. В ЕС он выделял Делора, Коля и Миттерана, которые там "заправляли". Фраза "я согласен с Гельмутом", как отмечает автор, была лейтмотивом всех обсуждений за круглым столом. Представители других стран часто жаловались Мэйджору на давление со стороны франко-германского тандема, но публично не протестовали. В этой связи он вспоминает знаменитое замечание Э. Бивена о том, как он уговорил британских врачей поддержать Национальную службу здравоохранения: "Я забил их глотки золотом". Что-то подобное было и здесь: "Блеск драгоценного металла просвечивал сквозь молчание многих глав правительств". Автора не удивляет, что Тэтчер была так непопулярна среди своих европейских коллег, ведь она привыкла говорить то, что думает. В ЕС ее называли "объединяющей силой" – она объединяла всех против себя. С президентом Комиссии ЕС Жаком Делором приходилось постоянно держать ухо востро: говоря по-английски, он порою намеренно усиливал свой акцент, чтобы британские коллеги не смогли понять высказываемые им идеи, которые странным образом становились впоследствии основой итогового документа очередного саммита ЕС. На одной из встреч он много и хорошо говорил о некоем дю Гласе, а когда британский премьер поинтересовался, кто это такой и почему он его не знает, выяснилось, что речь идет о главе Форин офис Дагласе Хэрде.

С особой теплотой вспоминает Мэйджор канцлера Германии Гельмута Коля, с которым он легко находил общий язык. "Смертельно обиженный" отношением Тэтчер к объединению Германии, Коля восхищался Уинстоном Черчиллем, был сентиментален, не вникал в детали и обладал хорошим чувством юмора. Он любил подшучивать по поводу красных папок с документами, которые личный секретарь Мэйджора Родрик Лайн (будущий посол в России) клал перед премьером в ходе их встреч, говоря, что они содержат "все секреты британского правительства". Однажды Мэйджор распорядился сделать на такой папке герб Германии и надпись золотом "Канцлер Коля", и когда тот в своем обычном ключе начал подшучивать на тему британских секретов, премьер показал ему папку, сопроводив это словами: "На этот раз это германские секреты. В следующем году Вы получите ключ от этой папки". Такого рода шутки, которыми они периодически обменивались, помогали "гуманизировать дипломатию".

Что касается президента Франции Миттерана, то хотя он и был скромного происхождения, но его манеры были величественными. В ходе одного из саммитов ЕС, в которых в то время не участвовали министры финансов, Миттеран заявил: "Не спрашивайте *моего* министра финансов. Я принимаю здесь решения от имени Франции!" Он прекрасно знал британскую историю и однажды поинтересовался у Мэйджора, кого из английских королей тот считает самым великим. Решив подразнить президента, Мэйджор назвал Генриха II Плантагенета. – "Интересно! А почему его?" – "Потому что он завоевал большую часть Франции, а на оставшейся – женился"⁶. В ответ на это Миттеран заметил, что величайшим английским королем он считает Вильгельма Завоевателя, который "завоевал всю Англию, и ему не пришлось для этого жениться на англичанке!" Французов нельзя недооценивать, считает Мэйджор, "они отчаянно сражаются за свои цели, и делают это замечательно". В последние годы Миттеран был уже очень болен. "Иногда во время скучных выступлений он занимался тем, что подписывал открытки". Если Франция и Германия занимали общую позицию по какому-

⁶ Имеется в виду брак Генриха II с Алиенорой Аквитанской, которой принадлежали обширные владения во Франции. – *Прим. ред.*

либо вопросу, "он был весьма галантен по отношению к Колю", в противоположном случае он был галантен вдвойне, "осыпая того еще более экстравагантными комплиментами". "Тельмут отвечал ему в том же духе". Однажды канцлер признался британскому премьеру: "Приходится трижды кланяться Триколору"⁷.

Хорошие отношения связывали Мэйджора с итальянскими премьер-министрами, но проблема была в том, что они очень быстро менялись: "Стоило установить хорошие личные отношения, как мой итальянский партнер оказывался свергнут, и приходилось начинать заново".

Говоря о Горбачёве, автор отмечает, что тот совсем не разбирается в вопросах приватизации и функционирования рынка, но обладает острым чувством юмора: он начал ряд своих комментариев фразой: "Когда народ восстанет против меня". Вряд ли он представлял, пишет Мэйджор, что это случится так скоро.

"Мастером телевидения", в совершенстве владеющим техникой пиара, назван Клинтон. Мэйджор вспоминает, как на саммите НАТО в Брюсселе в 1994 г. американский президент, как обычно, задержал свой выход в зал заседаний. Это было своеобразное состязание с Миттераном, который, будучи старейшиной, хотел появиться последним. Путь к своему месту за столом занял у Клинтона около восьми минут: он медленно обошел зал, поздоровавшись и побеседовав с каждым из присутствовавших лидеров, при этом его лицо всегда было повернуто к телекамерам. Дж. Буш – старший назван "хорошим другом" и "пионером телефонной дипломатии" (был всегда на связи со своими друзьями по всему миру). Он "очень хорошо знал мир, хотя на выборах 1992 г. это оказалось скорее минусом, чем плюсом, ибо избирателей интересовали в основном внутренние проблемы". Из британских политиков тесные рабочие отношения сложились у Мэйджора с канцлером казначейства Кеннетом Кларком, которого он видел своим преемником. "Умнейшим человеком в западном мире", "Макиавелли" он называет представителя Великобритании в ЕС сэра Джона Керра. Лидера либерал-демократов Пэдди Эшдауна Мэйджор характеризует как "приятного собеседника за столом", но "помпезного политика на публике". Лидер лейбористов Джон Смит заслужил прозвище «Мсье "Да", пудель Брюсселя». Автор отмечает, что после внезапной смерти Смита от сердечного приступа в 1994 г. серьезным претендентом на пост лидера лейбористов считался нынешний премьер-министр Гордон Браун, который "был хорошим парламентским полемистом", но слишком мрачным. Один из лейбористских кнутов признался Мэйджору: "Мы не изберем Гордона. Он слишком похож на гробовщика из старых вестернов, который снимает ваши размеры для гроба до того, как началась перестрелка". Что касается Блэра, то автор высоко оценивает его способности манипулировать прессой с помощью эффектных утечек информации.

Экс-премьер не может удержаться от гневных инвектив по адресу лейбористской оппозиции, которая, как он пишет, находится перед ним "в большом долгу", ибо ловко "похитила" у тори консервативную терминологию. Многие идеи, выдвинутые против консерваторов на выборах 1997 г., являлись повторением сказанного Мэйджором пятью годами ранее: в частности, призыв Блэра "образование, образование, образование" (если быть точнее, то и Мэйджор лишь переименовал известный призыв "учиться, учиться, учиться". – *Н.К.*), приоритет общественных расходов над прочими расходами, некоторые крылатые лозунги, например, "для многих, а не для немногих" (у Мэйджора – "привилегии немногих сделать доступными для многих") и т.д. "Надев консервативную маску", лейбористы "обрушились на наше наследие, украли нашу политику, скопировали нашу философию", обещая "делать то же, что и тори, но лучше". Чувствуя себя, с одной стороны, польщенным, а с другой – обиженным, бывший лидер консерваторов не удержался, чтобы не назвать Блэра "политическим клептоманом". Он гордится тем, что лейбористское правительство оставило в силе принятое консерваторами антипрофсоюзное законодательство, проведенную приватизацию, систему

⁷ Т.е. трехцветному французскому флагу.

управления Национальной службой здравоохранения, Гражданскую Хартию (которую скопировали впоследствии другие страны), сохранило подход в сфере "закона и порядка". А вот что касается деволюции (передачи власти от центра на места), он уверен в том, что она может привести к распаду страны. Мэйджор также осуждает понижение роли парламента, проявившееся уже в первые годы правления Блэра, характеризуя лейбористское правительство как "ханжеское, самонадеянное, несправедливое, нетерпимое, демонстративно неучитивое – и чертовски удачливое".

В название последней главы мемуаров вынесена фраза, сказанная Мэйджором в его прощальной речи в парламенте, которую, не веря в победу консерваторов, он готовил в течение нескольких месяцев до роковых выборов 1997 г. – "Занавес падает". Он подводит итоги семи лет своего премьерства, пытается разобраться в причинах поражения, выделяя среди них усталость избирателей от 18-летнего правления тори, "гражданскую войну" в партии по вопросу европейской интеграции ("Избиратели хотят единства и наказывают за раскол"), факты нечистоплотности среди министров ("национальное помешательство на нечистоплотности тори"), память о "черном сентябре" 1992 г., а также преобразование лейбористской партии, в результате чего она "перестала пугать избирателей". Ощущая вину за этот провал, "истощенный морально и физически", он сразу же подал в отставку с поста лидера партии.

Мэйджор ушел как джентльмен. Покидая резиденцию на Даунинг-стрит, 10, он по традиции попрощался с персоналом (на глазах у многих были слезы), а Блэрам оставил бутылку шампанского с запиской "Это прекрасная работа – наслаждайтесь ею!" "Это был исторический день, – пишет автор. – Консерваторы удалились. Пришли лейбористы. Новая история. Новые лица". В прощальной речи он сказал, что передает лейбористам страну в прекрасном состоянии, с находящейся на подъеме экономикой (к сожалению, это никак не помогло тори на выборах). "Я был членом парламента в течение 18 лет, членом правительства 14 лет, членом кабинета – 10 лет, и премьер-министром с 1990 г. Когда падает занавес, время уходить со сцены, что я и собираюсь сделать". С особой теплотой вспоминает Мэйджор разговор с бывшим президентом США Бушем, позвонившим ему на следующий день после отставки, сказанные им слова поддержки с приглашением посетить Кеннебанкпорт. В течение нескольких месяцев после выборов бывший премьер получил более 400 тысяч писем от британцев, в подавляющем большинстве которых содержались теплые слова в его адрес. Их авторы объясняли, почему на этот раз голосовали за лейбористов (наиболее часто упоминался раскол тори по вопросу Европы и усталость от их долгого правления).

Мэйджор отнюдь не пытается задним числом свести счеты со своими противниками или же навязать читателю впечатление о себе как о выдающемся государственным деятеле, чем грешат порою мемуары бывших премьер-министров. Он предстает умным, скромным, порядочным и честным человеком, с уважением относящимся к своим коллегам и общему делу (несмотря на то, что многие из них своими действиями подрывали его политику), лишенным мании величия и какой-либо фанатерии. Мэйджор рассказывает о годах своего правления, признает, что сомневался, порою совершал ошибки (ответственности за которые он с себя не снимает), о многом сожалеет, отмечая, что был "слишком консервативен и слишком традиционен... слишком осторожен, занимал оборонительную позицию". Искренне верил в "сострадательный консерватизм" и бесклассовое общество. К сожалению, не смог довести до конца начатые им изменения в социальной сфере, а также в области образования. Вместе с тем, он гордится возрождением национальной лотереи, тем, что сохранил Великобританию в Европейском Союзе и не допустил раскола консервативной партии. (Парадоксально, но это – одно из обвинений, выдвинутых против него некоторыми бывшими соратниками.) "Моя политика была тихой, – пишет он. – Популизм вызывал у меня тошноту. Я избегал резких конфликтов, предпочитая работать на примирение. Кому-то такая политика кажется скучной, кто-то находит ее серой" (намек на Тэтчер, давшей ему обидное прозвище "серый человек"). Обращаясь к своим критикам, Мэйджор приводит в этой связи слова известного художника-импрессиониста Писарро из его письма к сыну-художнику: "Не забывай использовать всю ослепительную палитру серого".